

Людмила Алексеевна Булавка-Бузгалина –

доктор философских наук,
профессор Московской
финансово-юридической академии

СССР – незавершенный проект Семь поворотов

Временная дистанция между СССР и Россией неуловимо растет – вот уже и четверть века набежала, но значение Советского Союза не кануло в Лету. Более того, со временем не угасла и частота обращений к его историческим и культурным практикам. И эти повороты в сторону СССР продиктованы тем, что сегодняшний мир, всё более сталкиваясь с ростом социокультурных противоречий, вызываемых глобализацией и «столкновением цивилизаций» (Сэмюэль Хантингтон), «рыночным фундаментализмом» и медийным манипулированием, дегуманизацией и гегемонией масскультуры, ищет пути выхода из этих гуманитарных ловушек XXI века.

Автор также поворачивается в сторону СССР, чтобы разглядеть вектор прорыва из ловушек настоящего в пространство развития будущего, но что очень важно – как настоящего, ибо оно не дает нам сегодня права на ожидание будущего.

Поворот первый: симулякр движения рождает пустоту

Распад СССР обернулся, с одной стороны, самосознанием исторической катастрофы и личной трагедии, с другой – открытием потребительских достижений западной цивилизации (для тех, у кого были деньги): новыми кухонными и стиральными машинами, новыми продуктами в ярких обертках, недоступными прежде возможностями туристического открытия мира. Правда, тут вспоминаются слова Марины Цветаевой о том, что туризм для России смерти подобен.

Особенность современного рынка заключается в том, что, вырастая из глобальной гегемонии капитала и базируясь на информационных технологиях и современных средствах телекоммуникаций, массмедийной экспансии, рынок становится некоей тотальностью, проникающей во все сферы жизни человека и общества. И это действительно так: человек се-

Кадр из фильма «Баллада о солдате»

годня живет в условиях не просто господства рыночных отношений, но именно диктатуры рыночного тоталитаризма, рождающего и своих апогетов.

А в начале 1990-х разнообразие и яркость хлынувшего в Россию потока прежде невиданных товаров поначалу не вызвали мощного эмоционального бума, ибо еще сказывался высокий уровень культуры, с которой советские люди были катапультированы «без парашюта» в лавочное пространство 1990-х. Как писал Марк Блок: «Люди тогда уже знали и куплю, и продажу, но они в отличие от современников еще не жили этим».

Дух потребительства пришел позже — по мере вымывания культуры. И всё же интерес к этим новым товарам был, но это был специфический интерес: поначалу они рассматривались прежде всего как элементы, из которых можно было конструировать образ приватного жизненного пространства в соответствии с личным представлением о за-

В советском искусстве даже тема гибели героя несла большой гуманистический смысл, хотя нередко художнику требовалось это доказывать.

падном стиле жизни. Не о нем ли мечтали многие интеллигенты брежневской поры?

А так как интенсивность обновления рыночного ассортимента постоянно возрастает, то возможность потребления (при наличии средств) становится неиссякаемой в принципе. Соответственно и конструирование частного жизненного пространства на основе всё более интенсивной смены вчера купленных на сегодня покупаемые вещи становится перманентным.

Так в постсоветской системе происходило утверждение нового *lifestyle* под названием «евроремонт». Именно так автор данной статьи называет этот стиль, ибо понятие «евроремонт» у нас обрело значение символа рыночного обновления, напоминающего гегелевскую «дурную бесконечность» как «неограниченный процесс однообразных, одно-

типных изменений, ничем не разрешающихся».

И чем интенсивнее становится сменяемость рыночных однообразий, тем сильнее оказывается невнятность ощущения как собственного «Я», так и того, что именуется действительностью. Ощущение жизненного пространства времени постепенно сводится к плоскости компьютерного монитора. Можно сказать, что местом поселения современного рыночного человека является хронотоп онтологической мертвечины, где история лишена движения, а культура — живых отношений. Вот эту мертвую всеобщность и являет собой частный интерес, лежащий в основе рыночной (лавочной) глобализации, которую нам преподносят как вершину современной западной цивилизации.

Но сама социально-экономическая реальность, казалось

бы, полна движения: в ней как бы идут реформы и модернизационные процессы; имена одних чиновников и бизнесменов, укравших миллионы из госказны, сменяется другими, хотя все они при этом как-то безнаказанно растворяются в анонимности информационного потока. Истории с этими лицами, как и положено, обрываются на самом интересном месте, поэтому то, что происходит с ними, после того как их ловят за руку, — этого нам знать уже не дано — как говорится, «и пучина сия поглотила ея». Адышащие им в спину новые имена высокопоставленных чиновников с новыми накраденными миллионами (вообще-то принадлежащими обществу) вытесняют из оперативной медийной памяти имена предыдущих. Но иллюзия движения тем не менее возникает — как при просмотре старинного праксиноскопа.

И уже совсем не иллюзорно падают самолеты и вертолеты, опрокидываются автобусы с пассажирами, тонут судна в зимних морях, обваливаются дома и казармы — сколько горя, трагедий каждый день, а драматургии как не было, так и нет. Вот это чудовищное противоречие и есть самая страшная суть антигуманности современного мира, основанного на рыночном тоталитаризме. И то, что сегодня не рождаются ни стихи, ни песни об этой стороне действительности, и есть одно из самых горьких доказательств отсутствия во всем этом смысла и человеческой жизни, и человеческой смерти.

А ведь в советском искусстве даже тема гибели героя несла большой гуманистический смысл, хотя нередко художнику требовалось это доказывать. Так, например, выдающийся советский режиссер Григорий Чухрай в 1961 году был даже исключен из партии

за «чрезмерный пессимизм» в созданном им фильме «Баллада о солдате», и это в пору демократической «оттепели». Вот как ответил на такую критику режиссер: «Одним из обвинений было обвинение в пессимизме (герой фильма погибал). Я пытался объяснить бывшему вождю комсомола, что важно не то, показана или не показана в фильме смерть, а то, ради чего это показано. Если человек только небо коптит, портит жизнь окружающим, но остается в живых, — это совсем не оптимизм. Но если добрый человек погибает за правое дело, защищая достоинство других людей или свои идеалы, — это всегда потеря для мира, но пессимизма здесь нет и в помине. Смерть и мертвечина — не одно и то же».

Отсутствие смысла такой жизни, которая была бы связана с живой реальностью и большим делом, посвященным гуманистическому развитию человека, страны, мира, — такого смысла для многих сегодня нет. Не поэтому ли добровольцы сегодня едут на Донбасс, рискуя жизнью, чтобы обрести смысл жизни — и если не в борьбе, то хотя бы в своей героической гибели, — несмотря на все внешние и внутренние сложности? И песни у них про это поются.

Поворот второй: разотчуждение — главный неписанный закон СССР

Та мера отчуждения, которую порождает доминирующая сегодня во всех сферах общественной жизнедеятельности гонка получения прибыли любой ценой, может порождать только жизненно опасную реальность, которая при определенной критической массе становится преступной явью. Сама действительность превращается в то, что убивает и человека, и человеческое в нем.

Впрочем, это закономерно для любого типа капитализма, порождающего разные формы отчуждения.

Лишь Красный Октябрь 1917 года способен был осуществить революционный прорыв из них. Это не значит, что в СССР не было отчуждения: в нем были и те формы, что достались от царского режима, и те, что возникали уже в рамках советской реальности. Но главное было другое: в СССР был утвержден принцип равнодушного отношения к отчуждению как конкретно-всеобщий этический и гражданский императив, основополагающий для всех сфер советской системы и обязательный для гражданина, для государственного деятеля и для творца (художника и ученого). Он был обязателен для человека любого возраста, любой национальности и любой профессии. Более того, он был главным критерием замера человеческого в человеке. И что особенно важно — он являлся основополагающим принципом советской истории и советской культуры.

Но что очень важно — этот императив имел не идеалистические, а вполне материальные основы своего генезиса, ибо был связан с практическим и качественным преобразованием действительности, сверхзадачей которого было освобождение человека и общества от власти всех форм отчуждения (именуемое автором как «разотчуждение»). Принципиально значимо, что субъектом этих преобразований было само общество. Несмотря на доминирование бюрократических тенденций, советский человек пытался осуществить себя как творец истории, причем в самых разных ипостасях: в 1920-е — как борец за мировую революцию, в 1930-е — как энтузиаст первых пятилеток, в 1940-е — как борец против мирового фашизма.

На строительстве БАМа

ма, в 1950-е — как энтузиаст освоения целинных земель, в 1960-е — как строитель «городов, у которых названия нет», и в 1970-е — как строитель БАМа.

Именно разотчуждение явилось основополагающим принципом одновременно и советской истории, и советской культуры, став основой их диалектического единства. Более того, разотчуждение имело силу едва ли не главного неписаного закона советского мира, который выступал прежде всего как этический императив, задающий отношение к самым разным вещам, делая понятным без слов, почему нельзя красть продукты в детских садах, почему надо так строить дома и казармы для будущих защитников страны, чтобы не было стыдно перед самим собой, почему, замерзая от холода, люди в блокадном Ленинграде не вырубали деревья в Летнем саду.

Это не значит, что в СССР все следовали этому императиву. Но даже отступая от него,

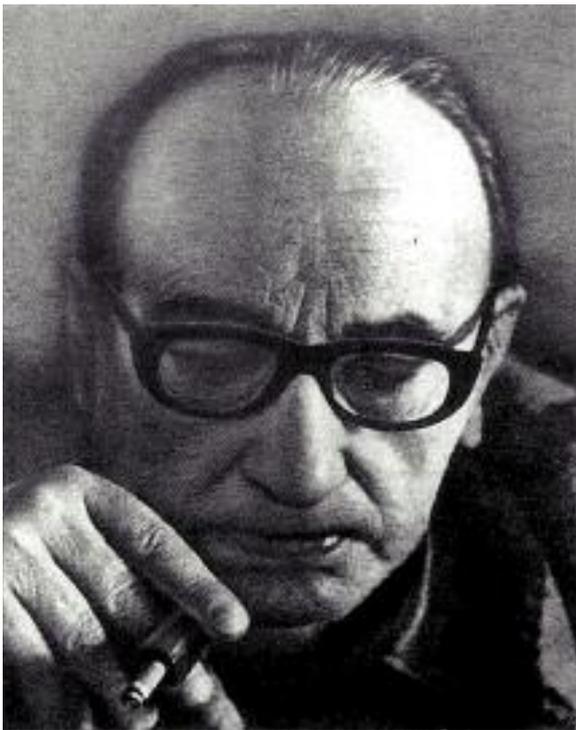
человек осознавал это как нарушение основополагающего принципа не только общества, но и своего достоинства и совести. Это так же, как люди Средневековья, которые грешили против своей совести и после совершения греха каялись в нем, в отличие от эпохи Ренессанса, где люди, совершая самые дикие преступления, ни в какой мере в них не каялись. И поступали они так потому, что последним критерием для человеческого поведения считалась тогда сама же изолированно существовавшая себя личность.

Но значение императива разотчуждения состоит в том, что он предполагает именно практическое преодоление отчуждения, формой которого является деятельностный акт, но свершаемый именно как этический поступок. А ведь,

выражаясь языком Михаила Бахтина, реально мы говорим о приобщении индивида к «целому» как к единственному бытию (которое существует в единстве исторической и культурной реальности) через акт его личностной деятельности, то есть через его поступок (акт активной нравственности). Именно это действие-поступок соединяет объективное бытие и субъекта («Я») в то целое, где бытие становится бытием-событием, а индивид — его субъектом. И суть этого поступка — ответственность, а точнее — «единство ответственности».

Именно диалектическое единство объективного бытия и субъекта и превращает реальность в живую жизнь, а анонимного индивида, используя выражение Анатолия Луначарского, в выпрямленного

В СССР был утверждён принцип равнодушного отношения к отчуждению как конкретно-всеобщий этический и гражданский императив, основополагающий для всех сфер советской системы и обязательный для гражданина, для государственного деятеля и для творца.

Выражаясь языком Михаила Бахтина (на фото), речь идет о приобщении индивида к «целому» как к единственному бытию (которое существует в единстве исторической и культурной реальности) через акт его личностной деятельности, то есть через его поступок (акт активной нравственности).

Человека. Императив и вектор личностного преобразования действительности на основе разрешения ее тяжелейших противоречий задавал такое пространство-время СССР, которое становилось основой зарождения «царства свободы». Эта красная нить СССР, выражающая становление «царства свободы», и стала основой Победы над фашизмом, для которого главным врагом был прежде всего коммунизм, утверждающий принцип неотчужденного отношения к отчуждению. Многим известны слова о равнодушии, принадлежащие чешскому коммунисту и журналисту Юлиусу Фучику: «Бойся равнодушных! Это с их молчаливого согласия совершается всё зло на земле». Кстати, фашизм базируется на равнодушии к отчуждению, неслучайно его социальная база — мещанин, не-

зависимо от того, к какому социальному классу он принадлежит.

Именно «царство свободы» как красная нить советской истории, пробивающаяся через разрешение сложнейших противоречий XX века, является причиной того, что к теме СССР сегодня обращаются молодые.

А есть ли сегодня такой неписанный закон, который определяет законы и правила во всех сферах общественной жизнедеятельности? Да, такой закон есть и сегодня, но про него нигде не сказано в документах, хотя про него знают все, даже дети, которые не умеют читать. Суть этого главного закона: частный интерес как личное обогащение лю-

бой ценой по формуле «деньги—власть—деньги—власть...» Сегодня все испытали на себе власть этой диктатуры частного интереса и поняли, что его железная пята раздавит любого: и старика, и детей, и красоту природы, и уникальное архитектурное творение. Вот почему поиск принципиально иной основы общественного мироустройства — главного неписаного закона — как раз и заставляет сегодня разворачиваться в сторону СССР, где над человеком не было власти денег. В СССР люди наоборот испытывали неловкость, когда между ними возникал вопрос денег. Более того, деньги были средством выражения презрения к человеку, как это было хорошо показано в фильме Иосифа Хейфица «Дело Румянцева». И еще одна, казалось бы, незначительная деталь: в СССР успех фильма определялся

числом зрителей, а не вложенными в него миллионами долларов, как это принято в «цивилизованных» странах.

Поворот третий: тоска по радости труда

Современный российский капитализм, являющий собой его реверсивную (попятную) форму, имеет одну принципиальную особенность: если «естественно-исторический» капитализм имманентно исключал гуманизм как вектор общественного развития, то российский реверсивный капитализм развернулся на основе именно разрушения гуманистического потенциала СССР как его важнейшего достояния. Преступление здесь состояло в том, что гуманизм (человечность) культуры нельзя «сделать», его можно только вырастить как лес из редких пород деревьев. Закономерным следствием уничтожения гуманизма явилось и разрушение культурного достояния, причем не только СССР, но и того, что было наработано в ходе дореволюционной и мировой истории.

А вместе с культурным достоянием российский капитализм, как ему и положено, упразднил и понятие «человек» как идею развития, как базовую основу всей системы ценностей и, наконец, — как мерило общественных отношений. Но если слово «человек» лишено какого-либо значения, то тем самым упраздняются и все сопутствующие ему понятия, и прежде всего — «труд», а значит, и все связанные с ним смыслы.

Доказательством этого является то обстоятельство, что сегодня труд лишен социального — и потому гуманистического — смысла. Может быть, поэтому современная поэзия на тему труда так безнадежно онемела?

А ведь тоска по осмысленному труду звучала еще в чеховских пьесах. И дело не в характере труда. Например, железные дороги строить труднее, чем торговать на рынке, но песен о рыночной коммерции нет, а про строительство дорог есть и в русской, и в советской поэзии. Месить бетон зимой в сорокоградусные морозы, как это было в 1930-е годы на строительстве Магнитогорского металлургического комбината, уж куда тяжелее, чем быть банковским служащим, но стихи про строительство комбината есть, а вот стихов про финансовые спекуляции и кредиты — нет.

А ведь есть такое понятие, как «радость труда».

Где эта радость труда сегодня? Слова, которые в СССР воспринимались в качестве избитого лозунга с полинявших от дождей и снега заводских транспарантов, сегодня кажутся настолько фантастически недостижимыми, что даже почти исчезли из речевого оборота.

Конечно, трудно согласиться с тем, что в условиях современного капитализма возможно подобное — уже хотя бы потому что капитал сегодня нередко просто отделен от труда.

И одним из доказательств этого является сам генезис российского капитала, который поднялся на основе криминальной приватизации, ваучеризации, природной ренты (газ и нефть) и финансовых спекуляций. А не нужен труд — не нужна и наука, вот почему все ее реформы как раз и связаны с превращением ее в придаток капитала и, соответственно, — в еще одну территорию рынка. То же самое можно сказать и про отечественные кино и театр, которые превратились в очередную отрасль бизнеса. Так что российский попятный капитализм, элиминируя понятие «человек», привел к устране-

Где эта радость труда сегодня? Слова, которые в СССР воспринимались в качестве избитого лозунга с полинявших от дождей и снега заводских транспарантов, сегодня кажутся настолько фантастически недостижимыми, что даже почти исчезли из речевого оборота.

нию и всех форм идеального, посредством которых индивид может мыслить мир и его противоречия. А без них, то есть вне понятий и образов, человек не может мыслить действительность, и потому ему остается только одно — рефлексировать и комментировать.

Может быть, поэтому возникает разворот к советскому искусству?

Поворот четвертый: между героическим и криминальным

Российский капитализм преподнес всем находящимся в его активном обороте и свои уроки: умение изворачиваться в лапах криминального бизнеса и коррумпированной бюрократии, навыки тройной бухгалтерии — для казенных бумаг, для хозяина и для себя, жесткость отстаивания своего

НА ОТДЫХ

Жизнь в той или иной степени до сих пор хранит законы и ценности советского трудового коллективизма в противоречивом единстве с коллективностью патриархальной: человек должен трудиться, родителей – не бросать, детям – помогать, друзей – поддерживать в трудную минуту, с соседями – считаться.

частного интереса любой ценой и посредством грязной конкуренции. Одновременно этот капитализм заставляет увидеть и прочувствовать на себе законы его варварской изнанки, равно как и самого человека: всю силу власти денег над ним, меру его слабости и подлости, смелости или без-

думья рисковать собой во имя финансовых афер и многое другое.

Но это одна сторона реальности. Другая сторона – это та жизнь, которая в той или иной степени, но до сих пор хранит законы и ценности советского трудового коллективизма в противоречивом единстве с

коллективностью патриархальной: человек должен трудиться, родителей – не бросать, детям – помогать, друзей – поддерживать в трудную минуту, с соседями – считаться. А день 9 мая отмечать как главный праздник, святой день, ибо Победа над фашизмом – это то, что соединяет человека, его семью, страну и мир в одну историю, делая культуру всеобщей для каждого, как известная песня «День Победы». День, который снимает чувство экзистенциальной неприкаянности и тоски от обреченности на одиночество. И марш «Бессмертного полка» в юбилейный год Победы над фашизмом – тому доказательство.

Эти две стороны реальности создали такие жернова противоречий между этической традицией человека, в которой он был сформирован, с одной стороны, и бесчеловечностью сегодняшней жизни – с другой, что одних они сломали, а у других – вызвали сначала глухую, а затем уже и открытый протест. Вот эти острейшие противоречия и являются своеобразным генезисом «простого» российского индивида, лично по-разному и очень противоречиво отражая свою неразрешенность. Но почти перед каждым стоит вопрос: на что сегодня опереться в этой жизни человеку? На дружбу, которая сейчас вылилась в такую симулятивно-виртуальную форму, как «одноклассники»?

На коллектив, в котором каждый сам за себя и где постоянно витает напряженный вопрос: кто следующий на увольнение?

На соседей, которые в больших городах даже не знают друг друга по имени?

На родственные круги, на поддержку отношений с которыми всё меньше остается времени, сил и денег? А в случае спорных вопросов, касающихся

ся собственности и наследства, эти отношения нередко превращаются в болезненное противостояние.

На семью, которая сегодня под тяжестью социально-экономических проблем вынуждена всё чаще жить враспыленную и прежде всего не в географическом, а в содержательном смысле? Можно ли тут говорить о семье как о пространстве культурно-личностного развития индивида, когда основное жизненное время человека сегодня уходит на заработки, подработки, огороды и решение жэковско-бюрократических и бытовых вопросов? В остатке от такой жизни для близких людей у человека остается главным образом усталость, раздражение и тяжесть от безрадостности существования. Конечно, радость обретения новой стиральной машины или завершения очередного ремонта также имеет право на существование, но ограниченность событийного ряда жизни лишь этими фактами рано или поздно рождает чувство пустоты бытия, которая начинает разрушать человека.

А может ли быть по-другому? Может ли семья стать союзом таких родных людей, которые одновременно являются еще и творцами-товарищами одного большого по своему культурно-историческому замеру дела? Но даже если взять такой тяжелый период в нашей истории, как Великая Отечественная война, то даже в этих условиях семья в большинстве случаев была спаяна не только взаимной любовью, заботой и противоречиями, но и отвечала этим принципам.

Итак, выше мы показали лишь некоторые параметры современного российского мира, в котором чаще всего не живет — существует человек. Напомним еще раз основные параметры этого мира: лавочный дух, глухое пространство

и мертвое время, бессмысленный труд, лишенный радости смысла, бесчеловечность окружающего мира, отсутствие идеального, позволяющего мыслить реальность во всей полноте ее противоречий. Но такой образ российской реальности возникает, если к его измерению подходить с позиции мира культуры, а значит — с позиции человека как представителя рода Человек.

И совершенно иная картина той же самой реальности возникнет, если ее оценивать с позиции частного индивида, утверждающего господство частного интереса любой ценой, для которого отчуждение и дух рыночных отношений есть его «культурная» органика.

Но за последнее время общественные настроения, казалось бы, начали меняться. И чем сильнее чувствуется запрос на эти перемены, тем более определенно и внятнее звучит вопрос: каким курсом дальше?

Поворот пятый: Новый человек vs. частный человек

В своем предисловии к книге Василия Катаняна о Владимире Маяковском Виктор Шкловский упоминает о том, что в английском флоте, чтобы не крали канатов, в него вплетали красную нить, чтобы легче было отыскать украденное. Используя этот пример, можно сказать, что СССР вплел коммунистическую нить в канат мировой истории, хотя в его собственном канате она была не единственной, там были и достаточно крепкие антикоммунистические нити (от Иосифа Сталина до Михаила Булгакова и Александра Солженицына). Многие нити советского каната по мере решения исторических задач разрывались от действительных противоречий советской

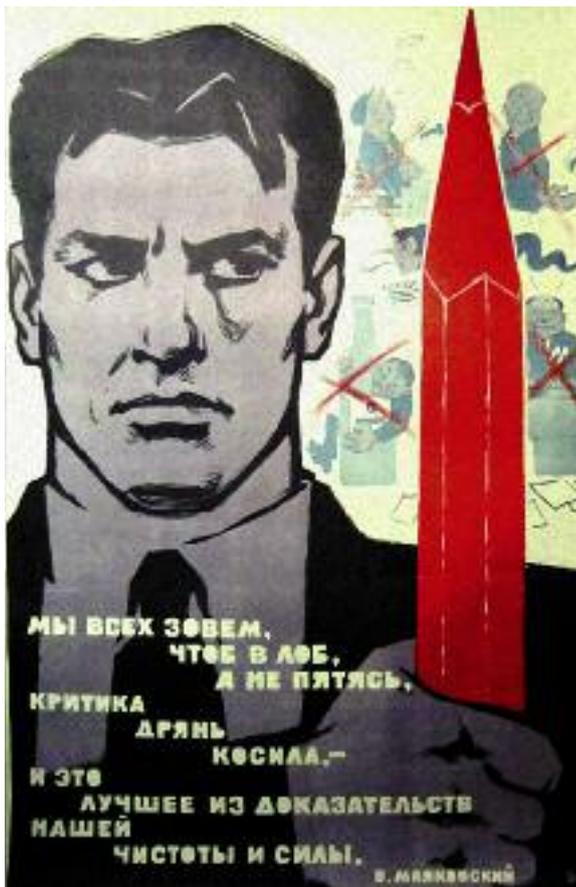
эпохи, другие — от их неразрешенности, а третьи — наоборот от противоречий и прежде всего от их разрешения становились еще крепче.

Как показал XX век, в канате СССР наиболее плодотворными оказались те нити, которые в первую очередь были связаны с идеей Нового человека.

Новый человек, персонифицирующий императив преобразования окружающего мира на основе действительного снятия господствующих форм отчуждения, в своей практике социального творчества не только выявлял общественные противоречия советской системы, но и сам их разрешал, причем в непрерывной борьбе еще и с «контрой» (мещанином от революции), и с советской бюрократией. И именно благодаря этому Новый человек сумел создать то, что до сих пор позволяет нам гордиться: провести культурную революцию в 1920-е, осуществить индустриализацию в 1930-е, победить мировой фашизм в 1945-м, первыми в мире выйти в космос в 1961-м и сотворить новую всемирную культуру — советскую.

А какова была прочность самой этой «красной нити»? Каковы ее собственные противоречия? Если откровенно, то это вопрос о противоречиях собственно уже самого Нового человека. И здесь можно ответить словами Максима Горького: «Одни люди своими “личными” противоречиями выступают выразителями противоречий лишь своей эпохи, другие “выламывались” из своего класса или эпохи, третьи воплощали историческое будущее».

Так вот, Новый человек не только нес в себе противоречия своей эпохи, не только «выламывался» из нее, но и выражал противоречия того будущего, которое сам же соз-

Новый человек, персонифицирующий императив преобразования окружающего мира на основе действительного снятия господствующих форм отчуждения, в своей практике социального творчества не только выявлял общественные противоречия советской системы, но и сам их разрешал, причем в непрерывной борьбе еще и с «контрой» (мещанином от революции), и с советской бюрократией.

давал и которое сам же воплощал.

И это будущее создавалось через диалектику встречного движения, с одной стороны, естественно-исторического вырастания нового общества (Карл Маркс) в форме социального творчества масс, а с другой — через творчество личности (Владимир Ленин, Владимир Маяковский), создающей и реализующей историю как культурный проект будущего.

Генезис СССР показал прецедент того, как можно развиваться, поймав — а если надо, то и развернув — ветер истории в свои паруса, и одновременно следовать самостоятельно

создаваемому вектору и проекту развития. Причем речь идет о таком проекте, который, с одной стороны, содержал ключ к разрешению противоречий эпохи, а значит, и своей страны, а с другой — сам был гуманистическим вызовом истории.

Другими словами, СССР показал тот тип генезиса, который, с одной стороны, отвечал законам исторического развития, а с другой — соответствовал принципу самодетерминации опережающего развития, что закономерно востребовало принцип творческой субъектности. Кстати, то обстоятельство, что опережающее развитие востребовало субъекта творчества, подтверждает концептуальную состоятельность СССР как культурного проекта. Противоречие между «естественно-историческим» ходом развития системы и самодетерминаци-

ей опережающего развития задало и новый ряд общественных противоречий, разрешение которых приводило к развитию СССР, а соответственно их неразрешенность — к его стагнации.

История показала, что СССР развивался успешно в той мере, в какой сложнейший вопрос развития советской системы был предметом сознательно организованной, диалектически планируемой и творчески управляемой деятельности, причем со стороны представителей не только государства, но и широких масс. И наоборот, мы терпели поражения в той мере, в какой процесс развития переключ-

чался в режим бюрократического «автопилота». Победы СССР подтвердили первое, его распад — второе.

Следует подчеркнуть, что если Октябрьская революция сама определила стратегию опережающего развития страны, причем на основе глубинного научного понимания диалектики исторического развития, сделав тем самым вызов себе и всему миру в целом, то программа перестройки не имела внятных целей (речь не идет о риторике) и тем более стратегии опережения. А ведь, как хорошо известно, даже для того чтобы догнать поезд, надо находиться в положении опережения по отношению к нему. В отличие от перестройки у ельцинской власти стратегия была сформулирована четко: «Только не обратно в СССР!» Уже одна эта формулировка откровенно демонстрировала, что во власть пришел самый опасный тип — частный индивид без исторического мышления и научного понимания общественного развития, а без этой основы он мог быть только политиканом и никогда — политиком. Так, в 1990-е во власти оказался частный индивид, использующий государство для реализации своего частного интереса, суть которого всегда одна — обогащение, ибо это для него есть субстанциональная основа, единственное, во что он верит и с чем себя идентифицирует. Ельцинский период закончился, но вопрос о том, куда и как двигаться дальше, остается открытым до сих пор. Этот вопрос встал сегодня и перед всем миром: перед США, Украиной, Донбассом, Грецией и многими другими странами. Он стоит и перед Россией. Каким курсом следовать дальше? Это вопрос прежде всего не политический и не экономический, а вопрос исторического развития. Вне понимания вызовов современной ис-

тории, ее противоречий и ловушек ответа не найти. А любая попытка подмены исторического развития новым политическим конструированием, как бы прочно в финансовом и военном отношении оно ни было обеспечено, все равно обречена на поражение.

Так на какие исторические маяки ориентироваться России сегодня? Этот вопрос тем более значим, так как сегодня для российского общества и государства наступил особенно трудный период. Обострение геополитической ситуации и достаточно серьезные проблемы внутренние заставляют нас взяться за очень неприятное дело — подсчет катастрофических потерь отечественной экономики, «социалки», науки и культуры, но прежде самого человека от саморазрушительного пристраивания в охвостье мировой капиталистической системы, как это было с нашей страной после распада СССР. Трудности внешнего и внутреннего положения показывают, что прежняя парадигма «развития», отстаивающая приоритет олигархических интересов, ведет Россию к блокированию перспектив будущего и потере достояния прошлого.

Вот почему перед российской системой объективно и, может быть, в последний раз встала задача перезагрузки стратегии дальнейшего развития — перезагрузки, вызванной нарастающим глобальным кризисом. Но как это возможно, когда геополитические противоречия заставляют Россию в отстаивании своих интересов на поле внешней политики быть самостоятельным субъектом, а ее внутренняя экономическая политика отдана на откуп олигархов, которые в погоне за прибылью вывозят за пределы страны «свои» (на самом деле — общества) капиталы и природные ресурсы? Современный геополитиче-

Принцип субъектности, проявляемый в практике совместного и творческого преобразования действительности, высвобождающего ее от власти отчуждения (разотчуждение), и определил принцип интернационализма советской истории и всемирности советской культуры. И в этом была сила советской системы и советского общества — сила, позволявшая решать проблемы мира как свои, и свои — как проблемы мира.

ский кризис вызвал нарастание как внешних, так и внутренних противоречий российской системы, а растущее напряжение от их неразрешенности заставляет всё активнее обращаться к тому историческому опыту — и прежде всего СССР, — который имел практики разрешения пусть других, но не менее, а может быть и более острых общественных противоречий. Причем, как показала история СССР, это было такое разрешение, которое рождало пусть трагическое (как это было в условиях сталинского режима), но высокое бытие, при котором человек человеку был не конкурентом и не партнером, а товарищем по делу преобразования действительности. И то, что этот исторический опыт рождал высокое искусство, которое востребовано до сих пор, есть убедительное тому доказательство. Может быть, поэтому сегодня всё чаще обращаются к практикам СССР? Но что ищут, поворачиваясь в сторону СССР, причем когда назад, а когда вперед?

Можно условно назвать три основных разворота на СССР:

- ♦ сталинско-имперский;
- ♦ социально-патерналистский;
- ♦ субъектно-освободительный (романтический).

А теперь посмотрим, в рамках какого из этих разворотов возможно разрешение тех противоречий и вызовов, которые сегодня стоят перед миром и Россией?

По мнению автора, главный вызов современности связан с проблемой становления индивида как общественного, творчески деятельностного субъекта разотчуждения, без которого невозможно никакое историческое — и потому культурное — развитие.

Вот поэтому мы и рассмотрим проблему субъектности как главную из тех, которые за-

ставляют нас повернуться и всматриваться в практики СССР.

Поворот шестой: герой vs. функция капитала

Для власти капитала, рынка и бюрократии сегодня индивид нужен лишь в одной ипостаси — как функция. И это есть имманентный закон мира отчуждения, из которого он сам пока вырваться не может, но самое страшное — не очень-то и хочет. Да, быть функцией тяжело и неприятно, но быть субъектом — это значит решать проблему смысловой перезагрузки своей субстанции. Приспосабливаться к этой реальности трудно и больно, но самому определять ее — хотя бы в горизонте собственной личности — сложно и страшно, ибо это требует от индивида позиции, поступка и самое главное — персональной ответственности. Одним словом — той принципиальности бытия, без которой невозможно быть субъектом истории и культуры. Именно эта проблема есть гордиев узел современного индивида, общества и культуры, то есть всего того, что составляет потенциал их исторического развития.

В условиях рыночного тоталитаризма на бессубъектность существования обречены все: и малоимущие, и средний класс, и особенно богатые. Понятно, что функциональное существование нивелирует личность индивида, подчиняя его деятельность, взгляды, стиль, вкус одному — рыночному канону, который есть не что иное, как стандарт общего. Тем острее становится вопрос: где и как индивид сегодня может формироваться как общественный субъект, если формат личностного бытия исключен даже в культуре? Достаточно посмотреть на большую часть современных российских фильмов, в кото-

рых найти хотя бы один художественный образ — большая удача, причем даже маски — большая редкость, преимущественно — безликость. Но существуя в условиях отчуждения, индивид тем не менее имеет и живые связи с миром культуры, включая отечественную — русскую и советскую. А эта культура всегда несла в себе понятие «героическое». И это неслучайно: принцип субъектного бытия, утверждающий себя через разрешение острейших противоречий советской истории и культуры, объективно требовал от индивида героического напряжения сил: позиции, воли к поступку, его свершения — и нередко ценой собственной жизни. Вот почему «героическое» явилось, во-первых, контрапунктом советской истории и культуры, во-вторых, основой их диалектического единства и, в-третьих, измерением человека как представителя рода Человек.

Но само это понятие не могло возникнуть из идей — даже самых революционных. Героическое бытие советского человека было обусловлено самой практикой преодоления тяжелых условий жизни как следствия международной борьбы за дерзкую попытку утверждения общества справедливости, труда и культуры (социализма), трагического противостояния бюрократизму и сталинизму, гасившим этот исторический порыв, массового энтузиазма, открытия нового мира и вдохновенного созидания советской культуры как всемирной культуры.

В сущности, строго по Борису Пастернаку: «Человек — действующее лицо. Он герой постановки, которая называется “история” или “историческое существование”». Так, практики СССР показали земную — не приземленную — основу «героического», возникающего на основе решения

насуточных вопросов жизни для всех и каждого, а значит, и для себя. И в этом — гуманистическая суть «героического», в отличие от супергероев, имена которых воспринимаются уже как символы современной массовой культуры (Человек-Паук, Супермен, Бэтмен, Капитан Америка и др.).

В советской культуре «героическое» понималось как некий поступок в истории, суть которого заключалась в деятельностном (не метафизическом) высвобождении действительности — а значит, и самого человека — от господства реальных форм отчуждения. Кстати, в этом заключалась и суть общественного идеала советской культуры.

Именно принцип субъектности, проявляемый в практике совместного и творческого преобразования действительности, высвобождающего ее от власти отчуждения (разотчуждение), и определил принцип интернационализма советской истории и всемирности советской культуры. И в этом была сила советской системы и советского общества — сила, позволявшая решать проблемы мира как свои, и свои — как проблемы мира.

Императив субъектности пронизывал и всё советское искусство, выстраивая его драматургию, рождая эффект живого движения (развития) отношений и определяя его главного героя.

Более того, он был субстанцией и общественного поступка, который в советском обществе был настолько значимым,

участвовать в некотором историческом созидании — да еще и не одному, а совместно с другими, — то за это буквально хватались как за спасение.

Проблемой смысла жизни были пронизаны лучшие произведения советского искусства 1960-х. Например, в фильме Марлена Хуциева «Мне двадцать лет» герои пытаются лично ответить на новый вызов идеи героического бытия уже в условиях мирного времени. И даже в фильмах 1970–1980-х ставится эта проблема, но здесь уже показана внутренняя трагедия человека, его надлом из-за того, что он либо не может найти этот высокий смысл («Отпуск в сентябре» режиссера Виталия Мельникова — по

Как говорил Леон Баттиста Альберти (на барельефе): «<...> будь убежден, что человек рождается не для того, чтобы влачить печальное существование бездействия, а чтобы работать над великим и грандиозным делом». А классика развития СССР — это разотчуждение, которое посредством деятельностного высвобождения связывает будущее с наследием не только отечественной, но и мировой культуры, более того — развивает их.

что невозможность его свершения в условиях нарастания социального прозаизма 1970-х нередко рождала и такое решение: если в истории невозможно героически действовать, то тогда дайте в ней во имя большого дела хотя бы героически погибнуть. Конечно, обрыв человеческой жизни — это трагедия, но еще большей трагедией для советского творца-романтика тех лет являлось внутреннее угасание самого энтузиазма, ломающее людей изнутри, обрекающее человека на бессмысленность существования. А уж если предоставлялся случай

мотивам пьесы Александра Вампилова «Утиная охота»), либо отказывается от него («Сталкер» режиссера Андрея Тарковского — по мотивам романа «Пикник на обочине» Аркадия и Бориса Стругацких).

Может быть, поэтому советские фильмы, ставящие эту проблему, до сих пор притягательны. Вот некоторые современные отзывы зрителей о фильме Юлия Райзмана и Евгения Габриловича «Коммунист» (1957 год):

«Какая сильная энергетика от фильма исходит, прямо всё

Франц Кафка (на фото):

«Человек отказался от участия в созидании мира и ответственности за него. <...> Но большинство людей живут без сознания сверхиндивидуальной ответственности, и в этом, мне кажется, источник всех бед».

внутри переворачивается. Это настоящее искусство!»

«На основе таких фильмов мы будем строить новую жизнь». «Спасибо! Советские фильмы самые лучшие, показывают человеческую сущность, а не звериную, к которой за последние 20 лет мы, к сожалению, привыкли».

«Вообще-то фильм не про идеологию! Идеология коммунизма — обычная справедливость и отрицание собственнических <...> мелких интересов! Порочность идеологии придумали буржуи (по-

рочные насквозь) — одним словом, все должны думать об общем деле, буржуев заботит лишь своя персона: человек человеку — волк! А ведь так оно и есть теперь! Волки вокруг! И всем плевать на всё, кроме своей тушки! Коммунисты жертвовали собой ради общего дела и это почитали за честь! Кто теперь это может хоть как-то понять?»

«Не знаю, как оно, но то, что показано в фильме, — это Идеал Человека. Это и есть то, что я бы хотел видеть в Будущем. Такого человека».

Поворот седьмой: альтернатива миру отчуждения — освобождение, а не свобода

Отказ от субъектности, в сущности, есть отказ от идеи человека, а значит, и от вопроса: зачем ты живешь? Неужели для того, чтобы только получать приличное жалование в фирме, честно платить налоги, делать удачные покупки на Рождество и бодрить себя на старости лет туристическими поездками? Или всё же жить в истории с ее принципом субъектности?

Ответ на этот вопрос определяет выбор и соответствующей стороны баррикады культурно-гражданского противостояния, которая сохранялась на протяжении всей истории СССР. Сегодня она представляет противостояние между двумя онтологическими принципами: принципом субъектного бытия (в культуре и истории) и принципом комфортного небытия частного индивида (мещанина) в пространстве отношений купли-продажи.

Кстати, следует отметить, что если в СССР слово «мещанин» служило презренным приговором, то после распада СССР началась его этическая легитимация. Сегодня презирать мещанина не принято — лавочная глобализация его этически и «культурно» узаконила. Теперь быть мещанином не стыдно, равно как и пошляком. Пошлость сегодня превратилась в «художественный» метод частного человека от культуры (точнее — лавочника от культуры), утверждающего частный взгляд на частного человека.

А те, кто противостоит мещанству или не совсем омещанился, сегодня уходят либо в формы патриархальной жизни, либо в те или иные маргинальные по своей сути субкультуры, либо в анонимность виртуальной (цифровой) реальности Интернета. Ну, а тот, кто пытается найти альтернативы либеральным формам отчуждения, причем в логике порожденного им же мира симулякров, нередко сам попадает в их ловушки (национализм разного окраса, фундаментализм, фашизм, бандеровщина и т.п.).

Но есть и те, кто сегодня ищет прорыв в движение истории, чтобы совместно с другими решать сложнейшие проблемы времени. И это, если использовать образное выражение Юрия Олеши, не тот разговор, «когда один говорит, а другой молчит и слушает, а разговор, когда двое, очень близко прижавшись друг к другу, обсуждают, как бы найти наилучший выход».

Неужели такое может быть? А ведь такое было — и было в СССР, — и потому мы разворачиваемся к нему с вопросами опять и опять. Это ностальгия?

В свое время Ренессанс развернулся — не оглянулся (!) — в сторону Античности. Это ностальгия? Нет. Ностальгия —

это попытка облечь настоящее в прежние формы, может быть, и хорошие, но исторически снятые. Ренессанс же вернулся к Античности, чтобы схватить и понять классику развития (ее законы) культуры, без чего невозможно прорываться в будущее.

Обращение к практикам СССР сегодня — это попытка понять, как можно вырваться из ловушек лавочной глобализации, в которой человеку нечем дышать, нечем мыслить, не для чего жить и в которой нет Другого, а значит — и его самого.

Поэтому поворот в сторону СССР сегодня — это объективная потребность человека и общества понять классику развития истории, чтобы определить для себя вектор дальнейшего развития того большого дела, которое и есть суть «красной нити» СССР. Или, как говорил Леон Баттиста Альберти: «<...> будь убежден, что человек рождается не для того, чтобы влачить печальное существование бездействия, а чтобы работать над великим и грандиозным делом».

А классика развития СССР — это разотчуждение, которое посредством деятельностного высвобождения связывает будущее с наследием не только отечественной, но и мировой культуры, более того — развивает их.

Так, например, понятие «свобода», дарованное Великой французской революцией, будучи сопряженным с «субъектом истории», получило свое качественное развитие в понятии «освобождение». Понятие «освобождение» принципиально отличается от «свободы», выражая не то, что нужно искать или ждать как чье-то дарование (царя, барина, героя, начальника, спонсора), а то, что можно и нужно самому творить — и, как правило, не в одиночку, а совместно с

другими. Как сказал один из героев Эрнеста Хемингуэя по имени Гарри Морган из романа «Иметь или не иметь»: «Всё равно человек один не может ни черта».

Не свобода, а именно освобождение с его принципом деятельностной субъектности как раз и становится основой самодетерминации индивида. Или, как писал Гегель, «живая субстанция <...> есть бытие, которое поистине есть субъект <...> поскольку она есть движение самоутверждения».

Современная же цивилизация связывает понятие «свобода» с формальным и абстрактным понятием «права человека», хотя значение самого человека как общественной ценности и уж тем более цели развития прочно отсутствуют. Свобода же с ее принципом толерантности сводится к императиву: ты не трогаешь меня — я не трогаю тебя. Цивилизация «прав человека», устанавливающая между людьми светфоры формально-бюрократических отношений, не только не снимает существующего между ними отчуждения, но наоборот — многократно его усиливает. Вот и получается, что не только социум, не только межличностные отношения, но и экзистенциальная сторона человеческой жизни сегодня пронизаны отчуждением.

Где сегодня человек имеет свободу выстраивать свои отношения не как частные, а как отношения мира культуры? На работе? В метро? На рынке?

Где сегодня человек имеет свободу творческого преобразования не своего частного пространства (дачи и квартиры), а окружающей действительности по законам города-сада? Без субъектно преобразующей деятельности свободы как таковой нет. У частного индивида есть один вид свободы — свободы потребления сотво-

ренного не его руками, в том числе и города-сада. Без того, чтобы быть субъектом социального освобождения, индивиду остается одно — быть лишь «мышкой» при господствующей власти капитала.

Вот почему совместное и творческое преобразование общей на всех действительности, несущей смысл труда и человеческой жизни и потому рождающей песню (как это было в СССР), и есть живая альтернатива этому мертвенному императиву «прав человека», претендующему быть основополагающим законом мира человеческих отношений. А ведь когда-то мыслящие люди Европы за этот императив принимали принципиально иные вещи.

В связи с этим уместно привести отрывок из одного интервью, которое дал Франц Кафка чешскому журналисту Густаву Яноуху:

«Густав Яноух: Стало быть, вы считаете, что человек больше не является сотворцом мира?»

Франц Кафка: Вы опять не поняли меня. Напротив, человек отказался от участия в созидании мира и ответственности за него. <...> Но большинство людей живут без сознания сверхиндивидуальной ответственности, и в этом, мне кажется, источник всех бед».

Человек как творец истории и герой культуры — есть суть проекта СССР, который в принципе завершить нельзя, как нельзя завершить развитие человека.

Именно практики и противоречия, победы и трагедии советского человека являются причиной поворотов в сторону советской действительности, ибо СССР — это прежде всего мастер-класс творчества истории как мира культуры, а не музей — может быть, и дорогих, но воспоминаний.